

«Во что бы то ни стало»

Через два недели мы вернемся! Так, говорили офицеры германского штаба, покаяная Лодзь в середине октября.

Лодзичи не возражали, — но до возвращения было тогда. Но в сущности угроза немцев их мало тревожила: они не верили в возвращение германской армии. Проведя двадцать дней в невольном постоянном общении с ней, лодзичи знали, в каком состоянии деморализации она находится. Безоппорная дисциплина могла поддерживать внешний порядок в немецких войсках, когда они выступали из города. Немцы увозили с собой всю артиллерию, обозы, награбленное добро, оставили аррьергарды, чтобы охранять натиск русских авангардов. Но, едва выйдя из сферы, где их могли наблюдать посторонние глаза, немцы тотчас обнаруживали, что боевой дух их утратили.

Известно, какими плачевными для немцев чертами отмечены первые дни их отступления от Вислы. Когда главные германские силы вышли из Лодзи, в разных местах города стали показываться одиночные солдаты: они уверяли, что проспали выступление своего полка, на деле же просто спитались, чтобы ценой жизни избавиться от нового похода. Другие отбивались от своих частей, во время самого отступления скрывались в збуе, а потом шли в ближайшую деревню и просили выдать их русским. Третьи тхали на трамвай навстречу приближающимся казакам, чтобы сдать их пистолетам. Аррьергарды весьма охотно вступали в бой и, не выполнив своего назначения, сбитыми отойти к главной армии. Зна-

чительная часть награбленного была немцами брошена по дороге. Они бросали даже пушки, замедлявшие их движение: зарывали их в землю и ставили над ними кресты, как на братской могиле. Наши солдаты не раз открывали в збуе эти своеобразные клады.

И все же немцы, хотя и не день в день, свое обещание сдержали: они вернулись. Германский главный штаб объявлял, что после «необходимого перестроения» армии ее операции в Польше «продолжаются». А император Вильгельм дал командиру восточной армии генералу Гинденбургу приказ добиться решительной победы «во что бы то ни стало». Откровенный неуспех в Польше грозил немцам самыми тяжелыми последствиями. Прежде всего он давал нам возможность сосредоточить наши основные силы на главном, сilesском фронте. Но главное — неуспех в Польше означал бы провал операции в Польше. Поэтому немцами были приняты все усилия, чтобы сохранить хотя бы вид, будто операция в Польше продолжается.

В настоящее время достаточно выяснилось и план немецкого наступления, и способы его осуществления. Разбитая в боях под Варшавой армия была пополнена и усилена гарнизонами крепостей и новыми корпусами, перебронированными на восток с западного фронта. Оспиралась на линию Торунь—Калиш—Ченстоховь, немцы двинулись к Висле, имея как бы центром движения Лодзь. Задержанная у Лодзи, германская армия «обтекала» ее кругом и достигала через Стрыков, Брезинь, Коложники до Нового Мяста. Наступление было так стремительно, что наши передовые части, более слабые, чем противник, принуждены были податься на восток. Лодзь могла со-

общаться с Варшавой лишь по южным дорогам, на Петроков и Радомь. Армия генерала фон-Мекензе-на зашла в тыл нашей армии, стоявшей между Варшавой и Лодзью.

На этом однако успехи немцев и кончились. Наша стратегия с исключительным мастерством вышла из трудного испытания. Продолжая прикрывать Лодзь, наши войска рядом последовательных атак восстановили связь между своим разорванными частями. Прорвавшиеся корпуса немцев (в том числе гвардейский корпус) оказались отрезанными от главных сил и от своей базы, без подвоза как провизии, так и снаряжения. Тогда началось отчаянное сопротивление немцев воссоединить свои армии. Отрезанные корпуса старались пробиться назад или к северной армии; северная армия, подославшая от Плоцка, старалась пробиться к отрезанным частям. Наша армия, находясь между двумя германскими, медленно, но упорно теснила их, все увеличивая расстояние между ними.

Последняя попытка, приходящая когда шпунтятся эти строки, говорить об «отрывных боях» в районе Стрыков и Эгерка, причём нами захвачены орудия, пулеметы и несколько сот тысяч патронов (17-го ноября), и в лодзичском направлении (18-го ноября). Продвигнувшись за Лодзь, наши войска завали Плоцк, причём нами захвачено четыре баржи, грузинская спартаки и аммуниция (17-го ноября). Сражение еще продолжается, но, по всему суду, успех принадлежит на нашу сторону. Несмотря на возможность добываться решительной победы «во что бы то ни стало», любой ценой, немцы, повидимому, должны будут от своей мечты отказаться.

Но откуда пошерпугла Германия си-

лы, чтобы возобновить свое наступление на Вислу? Где наша армия, чтобы вновь выставить против нас миллионную армию? Чем воодушевила деморализованная войска, чтобы вновь заставить их выносить трудности зимнего похода и вести «суперные» бои? Поля сражений, где лежат еще непогребенные тела убитых, партизанских немцев, ежедневно прибывающих в Варшаву, свидетельствуют о гибели офицеров и солдат, дающих полное разрушение первого вопроса. Никакого чуда не свершилось. Силы Германии как были, так и остались истощенными. Чтобы вновь довести свою армию до огромного количества штабов, она должна была привлечь в нее кадры лишь, беспособность которых весьма сомнительна: молодые школьного возраста, плохо обученные, не справляющиеся со страшными тяготами современной войны, и ландштурмитов, людей пожалых, воевавших за плугом, за прилавком или за бюро, тоже мало пригодных для военных действий вид родной страны, требующих много времени и затрат на подготовку.

— Мало смотреть: все — мальчишки, — говорят наши офицеры о составе германской армии.

— Прямо ребята набрали, — подтверждают солдаты.

В партиях плывших (прежние их пришло в Варшаву 1,000 человек, а затем 2,000) всего чуть не 1/2, больше половины — юнцы, которых едва-едва бы еще считали Софокла и Тита Ливия, а не подставлять свою грудь под русские пули ради осуществления планов кайзера. Бывшие, в худшем, измученные и истощенные, трудом, проходящие эти гимназисты, переходят в солдатские мундир, по уличным вылазкам из Варшавы, но как-то не вяжутся с ними название «сражения». Какие это враги, когда хочешь сказать им: «Иди, шашки и

будет!» Ступайте опять играть в лапту-теннис!»

Выступать с мальчишками маршируют в партиях плывших покаяные люди, тела под 40 и за 40, — ландштурмиты. У них вид утормый; видно, что она полна заботами о своей семье, оставшейся где-то в Германии, о жене и детях. К войскам ландштурмиты относятся сочувственно: отравленные выкриками левосторонней прессы, они считают зачехленной и виновницей гибели войны Россией, ненавидят ее, русских и все русское. Но, как говорят, большинство сходящих в эти дни добровольно состоит именно из ландштурмитов.

На полях битвы, где лежат тела немецких солдат, соотношение то же: большинство — безусая молодежь, остальные — степенные, молодые бюргеры и фермеры; людей в расцвете сил очень мало. Нельзя, конечно, думать, что два показных немцев уже убиты в боях. Но, повидимому, первый период войны все же вывел у немцев из строя массу лучших солдат. Значительное количество регулярных войск оставлено немцами на западном фронте, на котором особенно сосредоточено внимание Вермы. Непознать восточную армию им пришлось сражениями 1915 года, добровольцами, ландштурмитом и ландвером.

А между тем несмотря на такую состав армии немцы проявляют в последних сражениях действительное отчаянное «суперство». Так, напр., в бою под Кутно немцы или сомкнули свои колонны прямо на огни нашей артиллерии. Пулеметные вышки сметали наступающих тысячами, но они продолжали идти вперед и донли, груды на груды, до наших позиций.

Валю как саранча, — картинно описывает один офицер.

В боях под Коложниками, Брезинь, Лодзичем немские окопы были

завалены тлами убитых доверху, немцы оставались на своих позициях. Пыльцо раз в тех же боях немцы принимали рукопашную схватку. Однако они даже не успели напасть на вытесни свои итими-кижиды и все же грудью стали против русских; дрались прикладами и ружейными дулами.

Тайна этой славной храбрости тоже вскрывается: немцы идут в бой вкрасную. Все участники боя, с которыми приходится беседовать, подтверждают это наблюдение. Немцы так называются перед сражением, что почти не сознают своих поступков. Они стрылают наудачу, кричат поляни немцы и идут напролом, как бы ничего не выйдя перед собой. Иные солдаты пруссаки, взятые в плен, тут же валялись на землю и засыпали хмельным сном. На днях дивный ряд плывших немцев, взятых под Лодзью, оказался в состоянии почти столбняка: выяснилось, что перед боем их ополли водкой с сильной примесью эвфори.

Пьяными оказываются немцы и в бою. Во всех городах, которые занимают немцы, они прежде всего опустошают винные склады, в усадьбах громыхают погреба и тут же выливают все их содержимое. В домах, где жили немцы, комнаты бывают завалены пустыми бутылками. В Лодзиче недавно приказали немецкой полиции и, оставшись на городской площади, с бранью и криком потребовали, чтобы ему указали, где находится штаб германской армии. Оказалось, что методически захваченная сьпана не в тот город; Лодзич был в наших руках, и пьяного курьера тут же забранили в плен. В Коняп-нем-цей врач, изрядно выпивший погануш, явился угрозе заснапным в лазарет и только тогда узнал, что город вновь занят русскими... Таких рассказов,

похожих на анекдоты, приходится слышать множество.

После всего это можно не удивляться, что немцы палимы отрядами удаются прямо легендарными предприяття. Безавидной отвагой наших солдат помогает хмельное отупление противника. Становится понятным, что 123 человек наших кавалеристов разбивают 1/2 эскадрона конницы и 3 1/2 батальона пехоты немцев (дло под К.); что несколько наших гусаров, проскакав на границу Пруссии, захватывают в немецком городе восточную кассу, прежде тем стояще так немецкие отряды успевают сообразить, в чем дело (поднять прапорщика А—и С*** полка) и т. п. Немцы продолжают быть слабыми своей численностью, в борьбе — возможностью сосредоточивать в одном пункте огромные массы войск, и прекрасными техническими оборудованием своей армии. Но боевые качества немецкого солдата падают на наших глазах. Немецкая армия, частью деморализованная предыдущими поражениями, частью раздраженная постоянной ложью со стороны своего начальства, неполная элементами, мало пригодными для трудной кампании, постоянно обманываемая и усердно опавшая, перестает быть тем страшным противником, каким была в начале войны. Командеры германских армий трудно позволяют приязнь императора и добиваются решительной победы «во что бы то ни стало». Можно однако сказать с уверенностью, что лодзичское сражение останется последней попыткой в этом направлении. Немцам больше не откуда будет взять подкреплений и вечным будет поднимать дух своих войск. На полях под Лодзью ружьями убитой вой германской лампы, ни против России.

Валерий Брюсов.

Варшава, 18-го ноября.